

Новикова О.Н.¹

Современный ультраправый экстремизм и терроризм в Западной Европе: тенденции и особенности

Аннотация. В последнее время в академической среде, СМИ и политических кругах всё больше внимания уделяется угрозе ультраправого терроризма, сторонники которого не приемлют демократический принцип правления большинства и готовы поддерживать насилие, угрожать его применению и использовать его при продвижении своей идеологии. В статье дается характеристика основных признаков ультраправой идеологии: расизма, национализма, мизогинии, классовой дискриминации, экзотремизма. Особый интерес представляют взгляды так называемых революционных правых как подкатегории крайне правого движения. Отмечается, что их деятельность развивается в русле четырех стратегий: авангардизма, системы ячеек, сопротивления без лидеров, метаполитики. В статье также представлен анализ волновой теории развития ультраправого экстремизма, предложенной Кристи Кэмпион, и описаны три волны активизации крайне правого движения: антикоммунистическая, антииммигрантская и антиисламская. В заключение рассматривается нынешний этап терроризма в Европе, который современные эксперты оценивают неоднозначно и противоречиво: хотя статистические данные говорят о росте леворадикального

¹Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, зав. Отделом Европы и Америки, ИНИОН РАН; novikova@inion.ru

экстремизма¹, всё же главной угрозой безопасности до 2021 г. было принято считать ультраправый терроризм.

Ключевые слова: ультраправый экстремизм, Европа, правые революционеры, волны крайне правого экстремизма.

В последнее время в академическом дискурсе все больше внимания уделяется всестороннему изучению крайне правого экстремизма и терроризма. Двадцать лет назад, после событий 11 сентября 2001 г., исследования фокусировались, в основном, на исламском экстремизме и терроризме. Но в настоящее время ультраправые движения перестали быть маргинальной или периферийной проблемой. Исполнительный директорат контртеррористического комитета ООН указывает на растущую угрозу ультраправого экстремизма и терроризма: проведенные исследования демонстрируют, что за период с 2015 по 2020 г. число нападений, совершенных лицами, связанными с ультраправыми движениями и идеологиями, возросло на 320% [Member States..., 2020, p. 3].

При этом в академических исследованиях используются нестабильные, нефиксированные и достаточно широкие определения понятий «экстремизм» и «терроризм», которые нередко используются как взаимозаменяемые. Действительно, дать точные определения понятий «ультраправый экстремизм» и «ультраправый терроризм» достаточно сложно. При этом особенно важно выявить отличие ультраправого экстремизма от правого радикализма и популизма. Как справедливо замечает российский исследователь П.В. Осколков, «радикализм и экстремизм лежат вне системного политического поля», а «экстремизм при этом лежит за пределами не только политической системы, но и правового поля» [Осколков, 2019, с. 13]. Известный голландский эксперт в области исследований правого экстремизма и популизма в Европе и Соединенных Штатах Кас Мюдде выявляет разницу между радикализмом и экстремизмом, которая заключается в том, что первый находится в оппозиции к конституции, а второй враждебно отно-

¹ Данные, предшествующие началу Специальной военной операции Российских вооруженных сил.

сится к ней. На практике это означает, что экстремистские партии находятся под наблюдением органов безопасности и даже могут быть запрещены, а радикальные партии не подлежат такому контролю [Mudde, 2000, p. 12]. Радикальные правые выступают против либеральной демократии, против культурного плюрализма и обязательного соблюдения прав меньшинств, однако вполне лояльно относятся к идеям правления большинства и народного суверенитета, т.е. к представительной демократии. Что же касается правых экстремистов, то они не принимают демократический принцип правления большинства и готовы поддерживать насилие, угрожать его применением и использовать его при продвижении своей идеологии. Подкатегорией крайне правых, по классификации норвежского исследователя Якоба Равндаля, являются так называемые революционные правые [Ravndal, 2021].

Эволюция организационных форм правого экстремизма / терроризма

Большая часть исследований, посвященных вооруженным движениям, имеющим целью насильственное свержение существующей власти, фокусируется на их деятельности в нестабильных государствах с неустоявшимися демократическими режимами. В то же время большое значение имеет изучение активности революционных правых в государствах с устойчивой демократической системой. Их деятельность имеет ряд особенностей и может развиваться в русле *четырех стратегий*: авангардизма, системы ячеек, сопротивления без лидеров, метаполитики.

В основе *стратегии авангардизма* находится идея, разработанная еще К. Каутским и В.И. Лениным и впоследствии продвигавшаяся Д. Веннером и К. Джорданом. Речь идет об организации передового отряда (авангарда, партии, боевой организации), который должен возглавить вооруженную борьбу масс. В Западной Европе в качестве примеров такого подхода можно привести деятельность итальянской группы «Ordine Nuovo» (ит. «Новый порядок»), немецкой «Wehrsportgruppe Hoffmann» (нем. «Военно-спортивная группа Хофманна»), скандинавской «Nordic Resistance Movement» (англ. «Движение сопротивления северных стран»). Эта модель революционного сопротивления потерпела неудачу.

Ни один устойчивый либерально-демократический режим в Западной Европе не был свергнут. Революционные группы либо так и не получили необходимую для совершения переворота поддержку населения, либо перешли в категорию политических партий, отказавшись от своих революционных идей.

Для выживания ориентированных на применение насилия революционных групп в условиях жесткого государственного прессинга была разработана *стратегия системы ячеек*, контролирующихся центральным руководством. Как правило, для обеспечения безопасности руководство выбирало в качестве убежища другую страну. Вспомним, что исламистские террористические организации обычно использовали такую возможность (Аль-Каида*¹ – в Афганистане, «Талибан»* – в Пакистане). Правда, в странах с устойчивой демократической системой такие убежища было сложно найти. На территории США группа под названием «The Base» (англ. «База») пыталась организовать систему ячеек, но ее деятельность довольно быстро была пресечена спецслужбами. В Германии были созданы подобные организации – «Feuerkrieg Division Deutschland» (нем. «Подразделение огненной войны Германии») и «Atomwaffen Division Deutschland» (нем. «Подразделение ядерного оружия Германии»), – однако, не имея финансовой и политической поддержки ни в правящих структурах, ни из-за рубежа, они стали очевидной мишенью для структур государственного антитеррористического аппарата и вскоре были уничтожены.

Видя, что организованные формы вооруженного сопротивления успешно подавляются властями, американский идеолог ультраправого движения Л. Бим пришел к выводу о неэффективности системы ячеек в развитых странах и предложил *стратегию сопротивления без лидеров*². На самом деле впервые эту идею выдвинул офицер американской разведки Ю.Л. Амосс. Речь идет о людях, которые не входят ни в какие организации, но разделяют идеологию ультраправых экстремистов и самостоятельно плани-

¹ Здесь и далее по тексту сборника знаком (*) отмечены запрещенные на территории РФ террористические организации. (Прим. ред.).

² Другой перевод названия – стратегия бескомандного сопротивления.

руют и совершают террористические акты. Иногда их называют «одинокими волками». Среди них можно назвать Д. Коупленда из Великобритании и А. Брейвика из Норвегии. На долю этой категории преступников приходится самый большой процент (32%) всех терактов на территории западноевропейских стран в 2021 г. [Right-wing terrorism..., 2022, p. 16].

В последнее время все большее распространение получает еще одна стратегия ультраправых – *метаполитика*. «По сути, основная предпосылка метаполитики заключается в том, что прежде, чем произойдут реальные революционные изменения, политические идеи должны быть закреплены в культурной, интеллектуальной и общественной сферах» [Ravndal, 2021, p. 10]. Ярким примером служит идентитаристское движение в странах Западной Европы [Белинский, 2023]. Пропаганда в Интернете – важнейший ресурс метаполитики, поскольку помогает охватить огромную аудиторию и получить «критическую массу» общественной поддержки, в которой правые революционеры нуждаются в неменьшей степени, чем в финансовых ресурсах и надежных убежищах. А пока, до поры до времени, насильственный потенциал метаполитики дремлет.

Основные признаки ультраправой идеологии

Расизм, национализм

Для идеологии крайне правых характерно резкое разграничение между ин-группой (внутренней группой) и аут-группой (внешней группой). Для социальных взаимодействий такая демаркация является нормой. Но правые экстремисты придают аут-группе исключительно негативный характер. Они формируют у своих сторонников чувство ненависти к ней, утверждая, что она представляет собой опасность, прежде всего, для сохранения идентичности ин-группы. Реакции правых экстремистов часто бывают ситуативными и зависят от происходящих событий. Поэтому объекты для ненависти и дискриминации могут быть разными: мусульмане, иммигранты, беженцы, негры, евреи, а также государственные чиновники.

Многие авторы, разрабатывающие данную тему, выделяют следующие черты ультраправого экстремизма – расизм, национа-

лизм, ксенофобия, антидемократия, ставка на сильное государство [Mudde, 2000, p. 11]. Приверженность этим идеям проявляется в отношении к иммигрантам, особенно из развивающихся стран. Ультраправые не приемлют политику мультикультурализма. Кроме того, они обвиняют политические элиты в коррупции, критикуют их практику чрезмерного регулирования, выступают против обложения населения неоправданно высокими налогами.

Рассуждая о расизме как об одном из признаков правого экстремизма, нелишне напомнить, что он имеет долгую историю, связанную с колониализмом. Не заражены ли сама академическая среда и институты, где изучается правый экстремизм, идеями белого превосходства? Видный британский исследователь проблем правого терроризма Ли Джарвис в 2016 г. отметил, что среди авторов 160 статей, опубликованных в первых семи томах специализированного издания «Критические исследования терроризма» (англ. «Critical Terrorism Studies»), только семь исследователей – граждане незападных стран. Это вызывает подозрение в том, что работы западных ученых могут быть необъективны [Jarvis, 2016, p. 34]. Конечно, это спорное предположение, но существуют и неоспоримые факты. К числу последних относится, например, широко освещаемое в СМИ полицейское насилие в Соединенных Штатах в отношении негров, подтверждающее, что расизм в США до сих пор не изжит, следствием чего стала активизация движения BLM (англ. Black Lives Matter, «Жизни черных имеют значение»). Контртеррористическая политика в США формировалась под воздействием доминировавшего десятки лет предубеждения в отношении чернокожего сообщества, которое всегда считалось подозрительным: расово Другие воспринимались как источник насилия, а чернокожих активистов и по сей день представляют как террористов [Meier, 2022, p. 95].

Что же касается европейских ультраправых, то они свою повестку строят, прежде всего, вокруг понятия «нация». Ультраправые Европы рассматривают национализм как главный организационный принцип политики. Начиная с 2015 г. целями их нападений в 77% случаев были представители религиозных и этнических меньшинств [Right-wing terrorism..., 2022, p. 14].

Здесь взгляды европейских ультраправых пересекаются с нацистской идеологией, хотя они могут и не придерживаться программы крайнего насилия, характерной для нацистов. Однако, как справедливо отмечает российский исследователь А.В. Белинский, размышляя о правом экстремизме в ФРГ, «на фоне нарастающей в последнее время поляризации немецкого общества вследствие миграционного кризиса и сопутствующего этому роста ксенофобских настроений не приходится удивляться тому, что и полицейские участки, и армейские подразделения все чаще оказываются в центре громких скандалов, связанных с демонстрацией неонацистской символики или расистскими действиями служащих» [Белинский, 2021, с. 257].

В своих манифестах радикальные правые расистского толка используют «теорию замещения» Рено Камю, утверждавшего, что, в связи с характерной для представителей «цветного» населения и иммигрантов высокой рождаемостью, они со временем составят большинство электората и оттеснят от власти белое население¹.

Как правило, расисты дискриминируют людей по генетическим признакам и цвету кожи. Но существует и другой вид расистской идеологии. Дж. Кассимерис и Л. Джексон из Вулвергемптонского университета (Великобритания), анализируя деятельность группы «English Defence League» (англ. «Лига английской обороны»), пришли к выводу, что она являет собой пример особого, «культурного» расизма. Данная организация представляет мусульман в качестве аут-группы, угрожающей статусу и привилегиям немусульманской ин-группы, которая по уровню культуры и ценностям превосходит мусульманскую аут-группу. Таким образом, мусульмане исключаются из общенационального сообщества [Kassimeris, Jackson, 2015, p. 172].

Расистские и националистические группы часто пытаются обеспечить чистоту расы путем исключения, – в том числе путем «отмены» культуры и поражения в правах². При этом они обвиня-

¹ Теория замещения анализируется во многих публикациях, например в статье А.А. Смирнова [Смирнов, 2021, с. 113–118].

² Нельзя не отметить сходство подобного поведения с ультраправой националистической политикой европейских государств, которые пытаются «ис-

ют мусульман в антиобщественном поведении, ссылаясь на выборочные, вырванные из контекста выдержки из Корана, утверждая, что ислам как таковой опасен для западноевропейского общества [Kassimeris, Jackson, 2015, p. 179].

Мизогиния

Помимо расизма и национализма, многие исследователи выделяют и другие признаки правоэкстремистского мышления: антифеминизм, аникоммунизм, антиплюрализм, милитаризм, ставку на сильного политического лидера во главе государства. Разумеется, чем больше признаков указывается, тем меньше вероятность, что все они будут присутствовать одновременно при анализе конкретных проявлений правого экстремизма.

Но если расизм является признанной чертой ультраправой идеологии, то такая ее характерная черта, как мизогиния (женоненавистничество), не всегда принимается во внимание исследователями. Между тем эта особенность мировоззрения, постулирующая существование в обществе фиксированных гендерных ролей и поддерживающая патриархат, присуща всем ультраправым движениям. В рамках патриархальной системы мужчины обладают большей властью и авторитетом, чем женщины. Ультраправые осуждают аборт, зафиксированы нападения ультраправых активистов на медиков, делающих аборт, и даже на клиники, где это происходит: так называемое антиабортное насилие.

Вплоть до 1990-х годов домашнее насилие в отношении женщин считалось чисто криминальным преступлением и на рассматривалось как политическое или идеологически обусловленное действие. Тем не менее в контексте патриархального господства оно имеет целью установить контроль над женщиной и принудить ее к соблюдению традиционных гендерных ролей [Gentry, 2022, p. 211].

Заметим, что западные исследователи, как правило, чаще всего обвиняли в насилии над женщинами мужчин-мусульман.

ключить» русскую культуру и на самом деле стремятся обеспечить «чистоту европейской расы» путем «исключения» русских и их поражения в правах (в финансовой области, в правах собственности, спорте, искусстве и т.д.).

Накануне интервенции вооруженных сил западных стран в Афганистане эти обвинения звучали в качестве ее дополнительного обоснования. Но позднее на Западе зародилось движение «Me Too» (англ. «Я тоже»), которое приобрело особый размах, когда в Голливуде разразилась серия скандалов, связанных с сексуальными домогательствами в отношении актрис со стороны режиссеров и продюсеров.

Следует также упомянуть о призывах считать видом терроризма насилие, которое совершают в отношении женщин члены субкультуры инцелов (англ. incels, сокращение от involuntary celibates, «невольно воздерживающиеся»). Эти призывы не получили поддержки со стороны ведущих экспертов в области правого терроризма, несмотря на то, что нападения инцелов, безусловно, происходят на почве ненависти и имеют целью подавление и поражение в правах определенной группы, т.е. подходят под определение крайне правого экстремизма и терроризма, а также имеют не личностный, а общественный характер, т.е. подходят под определение политических преступлений.

Представляется, что в целом мизогиния является составной частью идеологии правого терроризма. В связи с этим авторы исследования, опубликованного Международным центром по борьбе с терроризмом (англ. International Centre for Counter-Terrorism, ICCT¹), отмечают: «Наши выводы об угрозе, исходящей от ультраправых групп (крайне агрессивный дискурс, поощрение политической поляризации, ориентированные на будущее действия), свидетельствуют о стратегическом объединении ультраправой политической идеологии с женоненавистническими практиками и языком, проводящемся для того, чтобы ультраправые сообщества могли привлекать больше последователей, повышать свой авторитет в обществе и угрожать противостоящим идеологиям и политическим партиям» [Perliger, Stevens, Leidig, 2023, p. 25].

¹ *Международный центр по борьбе с терроризмом (ICCT) – независимый аналитический центр, предоставляющий междисциплинарные консультации и практическую поддержку в области формирования политики борьбы с терроризмом, основанной на соблюдении прав человека и верховенстве закона, – двух важных составляющих эффективной работы по борьбе с терроризмом.*

Классовая дискриминация

Рассмотрение проблемы ультраправого экстремизма с классовой точки зрения сейчас не в тренде. Тем не менее при анализе социальной базы ультраправой идеологии категории расы и гендера оказываются тесно связаны с категорией класса. Исследователи до сих пор не пришли к однозначному выводу по вопросу о том, являются ли бедность и принадлежность к низшим социальным слоям определяющей причиной при обращении к насильственным действиям, поскольку известно, что среди представителей ультраправых движений есть и вполне обеспеченные лица. Однако после мирового экономического кризиса 2008 г. основной «фокусной группой» таких исследований стали небогатые белые мужчины из рабочего класса, остро ощущавшие свое поражение в правах и в сфере занятости, и в области доступа к образованию.

В политическом дискурсе, например, в Великобритании «белый рабочий класс» позиционируется «как забытое коренное население, не связанное с колониальным прошлым и несправедливо вытесняемое цветными приезжими» [Shilliam, 2018, p. 6]. Такая постановка вопроса представляет «белый рабочий класс» как жертву перед лицом угрозы, исходящей от иммигрантского сообщества на фоне конкуренции за рабочие места и возможного размывания культурной идентичности «коренного населения». И в данном случае, даже при очевидной секьюритизации миграционной проблемы, связь неолиберальной глобализации с той социальной реакцией, которую она вызвала, становится достаточно очевидной.

Признание того, что «белый рабочий класс» – угнетаемый субъект, может породить у исследователей желание вступить в диалог с его представителями и отнестись к ним с эмпатией, описывая различные виды политического угнетения, которому они подвергаются. Но это опасный путь, который может привести к частичному оправданию исполнителей террористических актов. Тем не менее очевидно, что, поскольку академическими исследованиями в области терроризма и правого экстремизма занимаются, в основном, белые представители среднего и высшего класса, им нелегко придерживаться объективного подхода при разработке данной тематики.

Классовый элемент проявляется и при рассмотрении гендерных вопросов. Поскольку неоплачиваемый труд женщин по уходу за домочадцами и ведению домашнего хозяйства укладывается в систему патриархальных представлений, получается, что ультраправое движение, направленное на защиту привилегий «белого рабочего класса», по сути имеет целью поддержание привилегий белых мужчин – как в отношении иммигрантов, так и в отношении женщин.

В экспертном дискурсе популярно мнение о том, что избрание Д. Трампа на пост президента США – это «восстание белого рабочего класса». Другое распространенное предположение – что и причиной Брекзита было давление со стороны того же слоя населения в Великобритании. Конечно, такая политическая риторика – безусловный мейнстрим. Однако существует и другое мнение. Британские ученые О. Мондон (Университет Бата) и А. Винтер (Ланкастерский университет) полагают, что в мировом политическом дискурсе прослеживается отчетливая тенденция искусственного «отбеливания» рабочего класса США и игнорирования его расового разнообразия, т.е. доминирует эссенциалистский подход, приписывающий американскому рабочему классу неизменный набор качеств, одним из которых является белый цвет кожи. Тем самым представители расовых меньшинств и иммигранты, участвующие в конкурентной борьбе за случайную, нестабильную работу и нерегулируемые виды деятельности, выводятся за рамки рабочего класса, и в нарративе о «восстании белого рабочего класса» закрепляется подтекст о «требованиях народа», узаконивающий и рост активности ультраправых, и преступления, которые они совершают на почве ненависти. Сама дискуссия о «восстании белого рабочего класса» была раздута средствами массовой информации, действующими в интересах элиты, поэтому следует признать, что именно элита, формирующая общественное мнение, несет ответственность за сложившуюся в обществе ситуацию [Mondon, Winter, 2019].

Экологический терроризм

В последнее время в дискурсе ультраправых движений отчетливо проявляется новая тенденция – так называемый «экологический терроризм», представляющий собой соединение двух угроз – изменения окружающей среды (в частности, климата) и политического насилия. В западной научной литературе по данной тематике используются два термина – «ecological terrorism» и «environmental terrorism»: первый термин относится к деятельности радикальных экологических организаций, выступающих за защиту окружающей среды, второй подразумевает «терроризм посредством воздействия на окружающую среду» [Экологический терроризм..., 2018, с. 5]. В настоящей статье представляется допустимым объединить обе эти разновидности под общим определением «экологический терроризм» и рассмотреть их в связи с деятельностью так называемых ультраправых акселерационистов, направленной на нанесение серьезного ущерба объектам инфраструктуры с целью спровоцировать социально-политические кризисы и тем самым ускорить социальные перемены¹. Напомним, что «основная цель акселерационистского проекта – рассмотреть возможность разрешения кризиса цивилизации путем ускорения капитализма» [Мельников, 2019, с. 148].

Можно отметить, что данное антисистемное насилие, детерминированное желанием установить более справедливые отношения в экологической сфере, по сути, является симптомом, выявляющим условия отчуждения в современной системе социальных отношений. Несмотря на то, что экзотермизм исходит из левых идей антигосударственного и антикапиталистического свойства, он нашел поддержку у правых акселерационистов. Можно согласиться с М. Лоаденталем, исполнительным директором Ассоциации исследований мира и справедливости Джорджтаунского университета (Вашингтон), который считает, что «левые стремятся нанести ущерб накоплению капитала в надежде изменить соци-

¹ Кроме ультраправого экотерроризма существует и государственный экологический терроризм. В качестве примера можно привести подрыв газопроводов «Северный поток».

альные реалии через изменение политических и экономических условий, в то время как правые стремятся посредством насилия усугубить социальную нестабильность, маргинализацию и страх, заставить людей определиться и бороться за свои интересы в более поляризованном, антагонистичном, связанном с идеями идентичности мире» [Loadenthal, 2022, p. 199].

Волновая теория трансформации правого терроризма

Значительный интерес для исследователей, занимающихся изучением закономерностей развития террористической активности ультраправых сил, представляет теория волновой трансформации праворадикального терроризма.

В свое время профессор Калифорнийского университета Д. Рапопорт отметил, что на протяжении десятилетий активность террористических группировок то снижается, то возрастает, проявляясь своеобразными «волнами». Однако исследования Д. Рапопорта были посвящены не волнам крайне правого терроризма, а волнообразному паттерну в развитии террористической активности самого разного идеологического характера – анархического (1880–1920-е годы), антиколониального (1920-е – начало 1960-х годов), леворадикального (1960-е–1979 г.), религиозного (1979 – настоящее время). Продолжительность каждой волны – приблизительно 40 лет [Rapoport, 2012].

Данная теория трансформации терроризма легла в основу изысканий Кристи Кэмпбелл, лектора Австралийской высшей школы полицейской деятельности и безопасности, которая попыталась использовать теорию трансформации терроризма Д. Рапопорта в приложении к крайне правому терроризму [Campbell, 2019]. К. Кэмпбелл полагает, что теория Д. Рапопорта адекватно описывает циклический характер активности правых за последние 70 лет: с течением времени происходит формирование, рост и активизация деятельности различных организаций и групп (и отдельных лиц), выступающих в русле риторики, преобладающей в общественном дискурсе в данный период, что сопровождается увеличением числа теоретических исследований данной проблемы. Она считает, что за последние 70 лет имели место три

волны активизации крайне правых: антикоммунистическая, антииммигрантская и антиисламская. Исследовательница допускает, что участники групп, осуществляющих насильственные действия, исповедуя какую-либо из этих идеологий, могут в то же время придерживаться базовых для всех правых движений расистских, националистических или антисемитских взглядов, но при этом их активность в целом соответствует «общей преобладающей энергии».

Доминирование *антикоммунистической идеологии*, как утверждает К. Кэмпбелл, наблюдалось с 1955 г. В то время произошла целая серия нападений праворадикальных элементов на коммунистические организации и отдельных политических деятелей левого толка. Особенно интенсивно правые радикалы действовали в Италии, США и Германии. К. Кэмпбелл отмечает, что, согласно теории Д. Рапопорта, политические потрясения могут способствовать спаду очередной волны и служить катализаторами новой. К таким значимым потрясениям относятся распад Советского Союза и окончание холодной войны. Эти события сопровождались ростом миграции в Европу и США, и деятельность крайне правых групп в начале 1980-х годов приобрела новый характер – *антииммигрантский*. Миссиями правых террористов стали иммигранты из стран Азии и Латинской Америки, но эта волна правого экстремизма не имела религиозного характера. События 11 сентября 2001 г. запустили процессы, которые выпалились в третью волну правого терроризма – *антиисламскую*, – хотя К. Кэмпбелл добавляет, что антииммигрантская и антиисламская волны тесно связаны, поскольку основной угрозой крайне правые считают мультикультурализм и плюрализм. Антиисламская волна достигла своего пика в 2014–2017 гг., т.е. в период подъема Исламского государства (ИГИЛ)*. Жертвами акций ультраправых были мусульмане, а самыми смертоносными оказались нападения, организованные террористами-одиночками, так называемыми «одинокими волками» [Campbell, 2019].

К. Кэмпбелл – не единственный автор, попытавшийся использовать для своих изысканий теорию Д. Рапопорта и развитие ее. Старший аналитик Министерства обороны США Элисон Мэддукс говорит об угасании волны джихадистского терроризма – последней волны, которую описывал Д. Раппопорт [Maddux, 2022,

р. 41–42]. С этим трудно не согласиться: действительно, если за последние десять лет исламистский терроризм был самым смертоносным видом терроризма, и в период 2015–2017 гг. в 11 странах Запада было зафиксировано 437 смертельных случаев в результате джихадистских террористических атак, то в 2021 г. произошло только три нападения такого рода с двумя жертвами – это самый низкий показатель с 2013 г. Но при этом нападений политического характера за период с 2017 по 2022 г. было зарегистрировано в 5 раз больше (суммарно 351), чем нападений религиозного толка [Global terrorism..., 2022, p. 33]. Таким образом, на смену религиозному терроризму приходит другой. Какой?

Новая волна

Если опираться на данные, приведенные в комплексном исследовании терроризма «Global Terrorism Index 2022», подготовленном Институтом экономики и мира (*англ.* Institute for Economics and Peace, IEP), то можно отметить, что в 2021 г. в странах Запада произошло 38 нападений крайне левых радикалов, в то время как ультраправые провели лишь две атаки. Примечательно, что, согласно «Global Terrorism Index 2022», в совокупности на Западе за период с 2007 по 2021 г. было зафиксировано больше нападений, осуществленных ультралевыми группами, чем ультраправыми. При этом 95% преступников той или иной идеологической ориентации формально не принадлежали ни к каким террористическим организациям [Global terrorism..., 2022, p. 33–34].

Известно, что мишенями ультраправых преступников являются религиозные учреждения, частная собственность и этнические меньшинства, а ультралевые нападают на бизнесменов, полицейских и тюрьмы. Однако следует отметить, что иногда мишени ультраправых и ультралевых совпадают: 17% атак и ультралевых, и ультраправых приходится на правительственные здания и политических деятелей [*ibid.*, p. 35]. Наибольшее количество нападений случилось в Греции (50) и Германии (19). В обеих странах большинство нападений совершались представителями ультралевых организаций или лицами, находящимися под влиянием ультралевой идеологии [*ibid.*, p. 39].

В Соединенных Штатах в последнее десятилетие также фиксируется сдвиг от религиозно мотивированного терроризма к политически мотивированному: «начиная с 2007 г. в США произошло 84 нападения, которые Институт экономики и мира связывает с политически мотивированными группами и лицами, и 19 нападений, приписываемых религиозно мотивированным группам» [Global terrorism..., 2022, p. 41].

Так что же приходит на смену исламистскому терроризму? Ультралевый терроризм?

Вышеупомянутая Элисон Мэддукс не согласна с этим: она уверена, что на смену джихадистскому терроризму пришла волна «терроризма белой идентичности» [Maddux, 2022, p. 43] (этот термин употребляется в Государственном Департаменте США в отношении белых террористов националистического и супрематистского толка). В 2019 г. на долю правых экстремистов пришлось две трети террористических нападений в Соединенных Штатах, а за период с 1 января по 8 мая 2020 г. – более 90% [Jones, Doxsee, Harrington, 2020, p. 2]. Тенденция выявилась настолько явственно, что в США была разработана Национальная стратегия по противодействию внутреннему терроризму, опубликованная летом 2021 г. [National strategy..., 2021]. И хотя в тексте Национальной стратегии сказано, что определение «внутренний терроризм» не предполагает различий по политическим взглядам (левым, правым или центристским) [ibid., p. 13], – речь в ней идет о белых супрематистах, о преступлениях на расовой почве, ксенофобии, антисемитизме, нападениях на граждан США азиатского происхождения, а все это характерно именно для правых экстремистов¹.

Ультраправая волна белой идентичности докатилась и до Европы. Неслучайно в Национальной стратегии США по противодействию внутреннему терроризму сказано, что «некоторые аспекты угрозы внутреннего терроризма, с которой мы сталкиваемся

¹ Заметим между строк, что к «внутренним террористам» в Национальной стратегии причислены и участники нападения на Конгресс США 6 января 2021 г. – и представляется, что вот это скорее является следствием внутриполитической борьбы за президентскую власть, попыткой справиться со сторонниками бывшего президента Д. Трампа путем обвинения последнего в подстрекательстве к нападению.

в Соединенных Штатах, и в особенности угроза, связанная с расово или этнически мотивированным насильственным экстремизмом, имеют и международное измерение» [National strategy..., 2021, р. 17]. В 2021 г. министр внутренних дел Германии Хорст Зеехофер заявил, что правый экстремизм является самой большой угрозой для безопасности Германии [Seehofer..., 2021]. Американские ультраправые экстремисты устанавливают связи со своими единомышленниками в разных странах Европы. Например, весной 2018 г. члены американской экстремистской группы «Rise Above Movement» (англ. «Движение вверх») ездили в Германию, в Италию и на Украину, чтобы отпраздновать день рождения Гитлера и встретиться с европейскими супрематистами. На Украине они установили контакты с бойцами батальона «Азов», который, как считают некоторые специалисты, тренировал членов организаций белых супрематистов, базирующихся в США. Зарубежные связи дают американским группировкам возможность совершенствовать тактику, разрабатывать более эффективные методы контрразведки, пропагандировать все более жесткие экстремистские взгляды и расширять свои глобальные сети [Jones, 2018, р. 4]. Информацию о том, что Украина превратилась в тренировочную базу для крайне правых, можно найти во многих источниках (см., напр.: [How a war..., 2021]). В этом смысле напрашивается сравнение нынешней Украины с Афганистаном. После создания Исламского Эмирата Афганистана во второй половине 1990-х годов страна стала центром подготовки джихадистов, чему немало способствовал У. Бен Ладен. Инструкторами работали бывшие сотрудники спецслужб Пакистана, Сирии, Египта и Алжира. В лагерях обучались, по разным оценкам, от 10 до 25 тыс. молодых людей [Мачитидзе, 2022, с. 45]. Первая группа иностранных боевиков приехала на Украину в 2014 г. Когда конфликт перешел в «замороженное» состояние, многие западные иностранные бойцы уехали – кто домой, кто в зоны других вооруженных конфликтов. Некоторые вернулись обратно на Украину после февраля 2022 г.

Норвежец Каспар Рекавек, написавший статью об иностранных боевиках на Украине, сравнивает их не с боевиками исламистского толка, а с ветеранами войны во Вьетнаме, которые, вернув-

шись в США, «омолодили и милитаризовали» американских ультраправых [Rękawek, 2023, p. 15]. В другой своей работе, посвященной деятельности иностранных боевиков – выходцев из западных стран, действующих на Украине с 2022 г., К. Рекавек отмечает, что, как правило, они не формируют там какие-либо особые отряды на национальной или многонациональной основе, но рассредоточены по разным подразделениям; в том числе они направляются в части, действующие под флагом ультраправой идеологии. В какой-то мере это может говорить об их личной идеологической ориентации. При этом автор признает, что даже ограниченное число лиц, ориентированных на насилие крайне правого толка, будут представлять опасность при возвращении на родину; они должны оставаться под пристальным наблюдением служб безопасности, поскольку обладают необходимым боевым опытом, навыками использования взрывчатых веществ, владеют оружием, способны наладить связи со своими единомышленниками [Rękawek, 2022, p. 73–74].

Основная угроза сейчас исходит не от экстремистских организаций, а от отдельных лиц («одиноких волков»), не связанных с такими организациями напрямую, но разделяющих их взгляды. Экстремистские нападения таких одиночек, как известно, трудно предотвратить. В современном западном обществе, несомненно, существует опасность массовой радикализации людей, готовых использовать насилие для достижения своих идеологических целей. Стоит добавить, что эти люди опасны не только потому, что сами представляют угрозу, но и потому, что могут способствовать радикализации значительных групп населения, ущемленных в своих правах. Ультраправые уже достаточно давно осознали, что государство дискриминирует некоторые категории граждан, отказывается выполнять свои обязательства по отношению к ним и тем самым создает благодатную почву для их радикализации.

Интересно привести мнение Колина Кларка, руководителя исследовательского отдела группы Суфан¹, по поводу поднимаю-

¹ Группа Суфан (англ. *The Soufan Group*) – независимая некоммерческая организация, занимающаяся исследованиями, анализом и стратегическим диалогом в сфере глобальной безопасности.

щейся волны ультраправого терроризма. Он утверждает, что после штурма Капитолия все ждали новой волны насильственных нападений, но этого не случилось. Взамен произошло «масштабное расширение экосистемы ультраправого экстремизма», что представляет еще большую опасность для демократии [Clarke, 2022].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Белинский А.В. (2021). Свастика на шевроне : правый экстремизм в правоохранительных органах и бундесвере ФРГ // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 247–282 [Belinsky A.V. (2021). Swastika on a chevron: right-wing extremism in law-enforcement authorities and in the Bundeswehr of the FRG [*Svastika na shevrone : pravyyi ekstremizm v pravookhranitel'nykh organakh i bundesvere FRG*] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 4. – P. 247–282] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2021.04.10.

Белинский А.В. (2023). В авангарде контрреволюции : движение идентаризма в Западной Европе и новые формы крайне правых движений // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – (В печати) [Belinsky A.V. (2023). At the forefront of the counterrevolution : the Identitarian movement in Western Europe and new forms of extreme right movements [*V avan-garde kontrrevolyutsii : dvizhenie identarizma v Zapadnoi Evrope i novye formy kraine pravyykh dvizhenii*] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 3. – (In press)] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2023.03.08.

Мачитидзе Г.Г. (2022). «Аль-Каида» и «Талибан» : амбивалентное партнерство // Мировая экономика и международные отношения. – Москва. – Том 66, № 4. – С. 44–53 [Machitidze G.G. (2022). Al-Qaeda and the Taliban : an ambivalent partnership [*«Al'-Kaida» i «Taliban» : ambivalentnoe partnerstvo*] / World economy and international relations. – Moscow. – Vol. 66, Issue 4. – P. 44–53] (In Russian).

Мельников В.О. (2019). Преодоление кризиса цивилизации через его ускорение : акселерационизм // Социальные и гуманитарные науки : теория и практика. – Москва. – № 1 (3). – С. 140–150 [Melnikov V.O. (2019). Overcoming the crisis of civilization through its acceleration : accelerationism [*Preodolenie krizisa tsivilizatsii cherez ego uskorenie : akseleratsionizm*] // Social and human sciences : theory and practice. – Moscow. – N 1 (3). – P. 140–150] (In Russian).

Осколков П.В. (2019). Правый популизм в Европейском союзе / РАН. ИЕ. – Москва. – 164 с. [Oskolkov P.V. (2019). Right-wing populism in the European Union [*Pravyyi populizm v Evropeiskom soyuze*] / RAS. IE. – Moscow. – 164 p.] (In Russian).

Смирнов А.А. (2021). Современный правый экстремизм на Западе : течения, идеология и механизмы пропаганды // Свободная мысль. – Москва. – № 2 (1686). – С. 99–118 [Smirnov A.A. (2021). Modern right-wing extremism in the West : currents, ideology, and propaganda mechanisms [*Sovremennyyi pravyyi ekstremizm na Zapade : techeniya, ideologiya i mekhanizmy propagandy*] // Svobodnaya mysl'. – Moscow. – N 2 (1686). – P. 99–118] (In Russian).

Экологический терроризм : феноменология, виды, факторы, предотвращения. (2018) / Алексанин С.С., Богословский М.М., Рыбников В.Ю., Рогалев К.К., Гудзь Ю.В., Дрыгина Л.Б., Шаповалов С.Г. // Экология человека. – Москва. – № 12. – С. 4–11 [Ecological terrorism : phenomenology, types, factors, prevention [*Ekologicheskii terrorizm : fenomenologiya, vidy, faktory, preventsiya*]. (2018) / Aleksanin S.S., Bogoslovsky M.M., Rybnikov V.Yu., Rogalev K.K., Gudzh' Yu.V., Drygina L.B., Shapovalov S.G. // Human ecology. – Moscow. – N 12. – P. 4–11] (In Russian).

Campion K. (2019). A «lunatic fringe»? The persistence of right-wing extremism in Australia // Perspectives on terrorism / ICCT. – The Hague. – Vol. 13, Issue 2. – P. 2–20.

Clarke C.P. (2022). Jan. 6 didn't set off a wave of right-wing terrorism : here's what happened instead // Politico Magazine. – Arlington County, VA. – 01.06. – URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2022/01/06/far-right-extremists-jan-6-domestic-terrorism-526505> (date of access: 31.08.2023).

Gentry C.E. (2022). Misogynistic terrorism: it has always been here // Critical studies on terrorism. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 15, Issue 1. – P. 209–224.

Global terrorism index 2022 : measuring the impact of terrorism. (2022) / Institute for economics and peace. – Sydney. – 95 p. – URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2022> (date of access: 31.08.2023).

How a war on the edge of Europe became a training ground for the far-right (2021) // Vice News. – New York. – 14.05. – URL: <https://www.vice.com/en/article/88ngmx/ukraine-war-far-right-decade-of-hate> (date of access: 31.08.2023).

Jarvis L. (2016). Critical terrorism studies after 9/11 // Routledge handbook of critical terrorism studies / R. Jackson (Ed.). – London ; New York : Routledge. – P. 28–38.

Jones S.G. (2018). The rise of far-right extremism in the United States / Center for strategic and international studies. – Washington, D.C. – 9 p. – URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/181119_RightWingTerrorism_layout_FINAL.pdf (date of access: 31.08.2023).

Jones S.G., Doxsee C., Harrington N. (2020). The escalating terrorism problem in the United States / Center for strategic and international studies. –

Washington, D.C. – 10 p. – URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200612_Jones_DomesticTerrorism_v6.pdf (date of access: 31.08.2023).

Kassimeris G., Jackson L. (2015). The ideology and discourse of the English defence league : «Not racist, not violent, just no longer silent» // The British j. of politics and international relations. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publications. – Vol. 17, Issue 1. – P. 171–188.

Loadenthal M. (2022). Feral fascists and deep green guerrillas : infrastructural attack and accelerationist terror // Critical studies on terrorism. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 15, Issue 1. – P. 169–208.

Maddux A. (2022). The changing tide of international terrorism // Georgetown security studies review / Georgetown Univ. – Washington, D.C. – Vol. 10, Issue 1. – P. 41–50.

Member States concerned by the growing and increasingly transnational threat of extreme right-wing terrorism. (2020) / UN Security Council. Counterterrorism Committee Executive Directorate. – New York. – 10 p. – URL: https://www.un.org/securitycouncil/ctc/sites/www.un.org.securitycouncil.ctc/files/files/documents/2021/Jan/cted_trends_alert_extreme_right-wing_terrorism.pdf (date of access: 31.08.2023).

Meier A. (2022). Terror as justice, justice as terror : counterterrorism and anti-Black racism in the United States // Critical studies on terrorism. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 1, Issue 1. – P. 83–101.

Mondon A., Winter A. (2019). Whiteness, populism and the racialisation of the working-class in the United Kingdom and the United States // Identities : global studies in culture and power. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 26, Issue 5. – P. 510–528.

Mudde C. (2000). The ideology of the extreme right. – Manchester : Manchester Univ. Press. – 212 p.

National strategy for countering domestic terrorism. (2021) / Executive Office of the President. National Security Council. – Washington, D.C. – 30 p. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/National-Strategy-for-Countering-Domestic-Terrorism.pdf> (date of access: 31.08.2023).

Perliger A., Stevens C., Leidig E. (2023). Mapping the ideological landscape of extreme misogyny : ICCT research paper / ICCT. – The Hague. – 32 p. – <https://www.icct.nl/publication/mapping-ideological-landscape-extreme-misogyny> (date of access: 31.08.2023).

Rapoport D.C. (2012). The four waves of modern terrorism // Terrorism studies : a reader / J. Horgan, K. Braddock (Eds.). – London ; New York : Routledge. – P. 41–60.

Ravndal J.A. (2021). From bombs to books, and back again? Mapping strategies of right-wing revolutionary resistance / Univ. of Oslo. Center for research on extremism. – Oslo. – 29 p. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/1057610X.2021.1907897> (date of access: 31.08.2023).

Rękawek K. (2022). Western extremists and the Russian invasion of Ukraine in 2022 : all talk, but not a lot of walk / Counter extremism project. – New York. – 75 p. – URL: <https://www.counterextremism.com/content/western-extremists-and-russian-invasion-ukraine-2022> (date of access: 31.08.2023).

Rękawek K. (2023). Foreign fighters in Ukraine : the brown-red cocktail. – London ; New York : Routledge. – 256 p.

Right-wing terrorism and violence in Western Europe, 1990–2021 : RTV trend report 2022. (2022) / Ravndal J.A., Tandberg Ch., Jupskås A.R., Thorstensen M. ; Univ. of Oslo. – Oslo. – 44 p. – URL: https://www.sv.uio.no/c-rex/english/publications/c-rex-reports/2022/rtv_trend_report_2022.pdf (date of access: 31.08.2023).

Seehofer : Rechtsextremismus weiterhin größte Bedrohung für die Sicherheit. (2021) / Bundesministerium des Innern und für Heimat. – Berlin. – 04.05. – URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/DE/2021/05/pmk-2020.html> (date of access: 31.08.2023).

Shilliam R. (2018). Race and the undeserving poor : from abolition to Brexit. – Newcastle upon Tyne : Columbia Univ. Press. – 182 p.

DOI: 10.31249/ape/2023.04.05

Novikova O.N.¹

Right-wing extremism and terrorism in Western Europe: trends and patterns

Abstract. *Recent years have witnessed increasing academic, media, and political attention to the threat of far-right terrorism whose proponents do not accept the democratic principle of majority rule and are willing to support, threaten to use, and use violence to promote their ideology. The article characterizes the main features of far-right ideology: racism, nationalism, misogyny, class discrimination, and eco-extremism. Of particular interest are the views of the so-called revolutionary right as a subcategory of the extreme right movement. Their activities are developing along the lines of four*

¹**Novikova Olga Nikolaevna** – PhD in History, Head of the Department of Europe and America, INION RAN; novikova@inion.ru

strategies: avant-gardism, cell system, resistance without leaders, metapolitics. The article also presents an analysis of the wave theory of the development of far-right extremism, proposed by Christy Campion, and describes three waves of far-right movement activation: anti-communist, anti-immigrant, anti-Islamic. In conclusion, the current wave of terrorism in Europe is considered, which experts assess ambiguously and contradictorily: although statistics indicate the growth in left-wing radical extremism, far-right terrorism was still considered to be the main security threat until 2021.

Keywords: *far-right extremism, Europe, revolutionary right, waves of far-right extremism.*

Статья поступила в редакцию (Received) 20.06.2023

Доработана после рецензирования (Revised) 24.06.2023

Принята к публикации (Accepted) 04.07.2023